

Это самый читаемый в мире из современных польских писателей; только в СССР его произведения изданы 32 раза общим тиражом 2.815 тысяч экземпляров...

Он заявил, что не любит путешествовать, и мне не советовал, во всяком случае, приезжать к нему в Кранов.

Отговаривал: мол, скользкая дорога, туманы, иные напасти (переписка шла еще зимой).

Писатель очень занят работой и очень ценит время.

И все-таки Лем отложил очередную рукопись и сказал, что охотно принимает предложение стать гостем 13-й страницы «Недели».

мозг человека, и в то же время совсем не похож на самые совершенные нынешние ЭВМ... Великих открытий ожидаю в энергетике; полагаю, потребности вызовут объединение усилий. Какая появится в результате этого энергия — основанная ли на солнечном излучении, геотермическая, или биологическая, трудно предугадать. Но некий новый вид энергии возникнет — как дополнение или даже альтернатива атомной энергии.

— Что вы думаете о загадочных явлениях, которые будоражат умы в наши дни, — о йети, этом варианте пресловутого снежного человека, или о легендарном чудовище озера Лох-Несс, или о Бермудском треугольнике?

— Не думаю, что йети и лох-несское чудовище — реальность. Не склонен верить и в якобы таинственную опасность Бермудского треугольника. Пока не узнаю достоверных фактов,

деет русским, украинским, английским, французским и немецким) и нередко испытываю ощущение, будто они относятся к абсолютно разным, а не к одним и тем же книгам. Пытаясь понять, чем руководствуются критики, высказывая по одному и тому же поводу столь противоречивые суждения, я сначала обратился к теории литературы. Увы, не нашел ответа, и тогда, ничтоже сумняшеся, сам взялся за литературную теорию. После нескольких лет изучения предмета издал книгу «Философия Случая», не имеющую ничего общего с научной фантастикой. Просто содержания не перескажешь: как-никак пятсот страниц.

— Что ж, отношение к критике у вас самое, так сказать, «научно-фантастическое». Отвечить на рецензии толстым томом — это ли не действительность! Но теперь, пожалуйста, выступите в роли критика, а объект — писатель Лем.

философии, искусства. Может быть, мне просто не хватает воображения. И еще: меня преследует ощущение, что в том разделе литературы, каким я занимаюсь, существует бесконечное число возможностей, которые я пока не сумел обнаружить и поэтому использовать. Итог: до сих пор не сделал многого из того, что можно было сделать. А из сделанного многого могло быть лучше.

— Да... Это уже не критика, а суровая самокритика. Давайте вместе послушаем голос со стороны (впрочем, голос заинтересованный): что скажет о работе Станислава Лема и, в частности, о его трудовом дне пани Барбара Лем?

Барбара Лем: Станислав работает очень много. Раньше у него была привычка писать в Закопане, сейчас главным образом — дома. Мы, домашние, стараемся ему не мешать. Но, упрямая наша намерения, он встает очень рано, до пяти утра, чтобы сконцентрироваться, и старается не отвлекаться. Однако участия в домашних делах Станислав Лем не может избежать, на его долю выпадает процесс хозяйственных покупок, и справляется он с этим отменно... Мне удается знакомиться с его новыми вещами в рукописях. Иногда он даже сам читает мне только что написанные отрывки. Времени на отдых у него немного. Когда-то мы ездили в горы кататься на лыжах. Теперь он предпочитает оставаться дома, отдыхать, как правило, за чтением.

— Спасибо, пани Барбара. Теперь снова вопрос к Лему: есть у вас любимые занятия?

— Дела, с моей точки зрения, несущественные. К примеру, часто получаю предложения написать о себе для разного рода библиографических справочников, энциклопедий и тому подобных изданий, очень распространенных на Западе. Никогда за это не берусь: жаль тратить время. Мое дело — писать книги и следить, чтобы их заграничные издания верно следовали оригиналу (поэтому тщательно работаю над авторизацией переводов), а остальное — праздная роскошь, какую я не могу себе позволить... Да что там, даже любимые лыжи, теннис, альпинизм, к великому сожалению, уже в прошлом. Увлекался фотографированием, особенно трюковым и фотомонтажом, и тоже забросил: катастрофически не хватает времени, тем более что обязан его выкраивать и для девятилетнего сына. Ставим с ним химические и физические опыты: начали строить робота, который пока плохо сохраняет равновесие при движении, но, чтобы исправить этот дефект, мне надо месяц не салиться за письменный стол. А разве такое позволительно?

— Что перелать от вас вашим читателям в СССР?

— Благодарю всех тех, кто мне пишет, посылает слова признания и критики, дарит мне замыслы для новых книг. Внимательно все прочитываю. Но если бы отвечал всем, то уже не написал бы за оставшуюся жизнь ни одной книжки. Прошу меня понять и по-дружески простить.

С гостем беседовал Николай ЕРМОЛОВИЧ, собственный корреспондент «Известий» в ПНР.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

существования на Марсе технологии, которая могла появиться только искусственно; но сейчас такой вывод покажется преждевременным. Иными словами: наше представление о мире изменится с накоплением знаний о нем. Поэтому слишком рано судить, существуют или не существуют «другие».

— Что позволяет вам (а вы не раз об этом писали) смотреть с оптимизмом в будущее Земли?

— Мой оптимизм основан на убеждении, что, хотя современные глобальные процессы не имеют точных аналогов в истории, все же человечество в своем развитии уже неоднократно проходило через всяческие катаклизмы и потрясения природного характера. Прежде природные кризисы возникали скорее из-за неумения воздействовать на среду обитания, теперь они часто — результат слишком энергичного влияния людей на эту самую среду. Но и в давние времена трудности преодолевались, и сейчас человечество в состоянии их преодолеть.

— Каких выдающихся научно-технических открытий вы ждете от ученых нашей планеты?

— Очень жду открытия, которое позволит понять, каким образом информация, сконцентрированная в живой клетке, превращает ее в зпелый организм. То, что мы пока об этом знаем, лишь усиливает загадочность индивидуального развития. Открытие, которого я жду, позволит создать технологию совершенно нового типа: она сможет использовать распознание в процессах эмбриогенеза. Но, разумеется, не с целью искусственно выращивать те или иные живые существа, а для того чтобы материализовать информационные программы, которые по заданию человека будут способны к саморазвитию. В итоге воплощаясь в потребные нам вещи, допустим, в продукты. Правда, думаю, что такой технологией человечество овладеет не в ближайшие годы... Полагаю, что дальнейшее изучение человеческого мозга ускорит создание настоящего «разума» машины. Этот «машинный разум» будет, вероятно, сконструирован совершенно иначе, чем

подтверждающих такого рода необычные явления — к примеру, пойманные йети и чудовище Лох-Несса, убедительные свидетельства того, что не туманом, не ураганом вызываются катастрофы в Бермудском треугольнике, а совсем иной «технологией», — словом, пока не получу документальных подтверждений, не могу и не хочу забивать этим голову.

— Позволю себе сугубо «недельский прием»: какие вы задали бы Станиславу Лему вопросы, будучи на моем месте?

— Поинтересовался бы у Лема, как он относится к критике своих произведений. Какие видит в своем творчестве существенные недостатки и слабости?

— Вы меня выручили: на такие вопросы я бы, наверно, не отважился.

— Мои книги, выходящие во многих странах, встречают совершенно противоречивую оценку критиков. Читаю рецензии (замечит, что Лем свободно вла-

Основной слабостью своего творчества считаю недостаточную смелость в отходе от стереотипов мышления, «имеющих хождение» в научной фантастике. Концепции, на основании которых написаны иные мои книги, кажутся мне односторонними, сугубо сюжетными, ибо не учитывают действительной сложности тех проблем, какие я пытался атаковать. Другой недостаток — нет до конца продуманного осмысления явления. Так было, скажем, с повестью «Следствие», и неудовлетворенность ею привела к написанию иной вещи, но с той же проблемой. — повести «Насморк» (однако это не означает, что я считаю «Насморк» крайне удачным: и в этой повести далеко не все меня устраивает). Слишком мало внимания, а значит — слишком мало усилий я до сих пор прилагал, чтобы представить грядущие возможности и грядущее состояние культуры, к примеру, изменение в будущем взаимоотношений науки,

— Экономя ваше время, «возьмем быка за рога». Возможность существования внеземных цивилизаций, контактов с ними... И в связи с этим ваше отношение к точке зрения профессора Шкловского? Напомним, профессор в одной из своих недавних статей подчеркнул слабость косвенных доводов, используемых для подтверждения гипотезы о существовании внеземных цивилизаций, и сделал вывод, что Земля может быть единственной заселенной разумными существами планетой в нашей Галактике и даже в целом скоплении галактик.

— Может быть, профессор Шкловский и прав. Доказательства — в виде непосредственных наблюдений за космическими цивилизациями — не существует, а всякие косвенные или умозрительные аргументы не слишком убедительны. Но, значит, что же, ставить крест на гипотезе? Профессор Шкловский тоже опирается не на какие-то новые факты, а лишь на энергичную трактовку фактов известных. Такая интерпретация может быть, но не обязательно должна быть верной, и принять ее без дискуссии означало бы отказаться от дальнейших исследований, направленных на открытие присутствия «других» в космосе. Согласитесь, если мы не будем искать «других», то уж вряд ли найдем, существуют ли они или нет.

Наше представление о том, какими могут быть иные цивилизации, основано на модели развития земной цивилизации. В этой модели как единственно возможный путь заложен резкий рост энергетической мощности; в противном случае мы не сможем «их» обнаружить, «они» останутся астрономически невидимыми. Но ведь не исключено, что через 50 или 70 лет и научно-технический способ развития земной цивилизации изменится... А что, если «другие» существуют, но ведут себя не так, как мы это представляем, как «они» должны себя вести, владея, допустим, энергией нескольких солнц или даже сверхсолнечной? И «их» вид технологии не дает никаких побочных фактов? И мы этих фактов попросту не замечаем, ибо они в принципе не похожи на естественные звездные процессы? Мы ведь пока понятия не имеем, как может выглядеть «звездная технология», и не знаем повода, на основе которого использование такой технологии должно быть наблюдаемо с астрономических расстояний. И так ли уж наверняка отличим мы эту технологию от естественного космического фона?

До недавнего времени люди полагали, что реакции освобождения атомной энергии не могут проходить спонтанно на таких планетах, как Земля. А потом открыли в Африке «естественный атомный реактор», который Природа «сама построила» на основе цепной урановой реакции, без всякого людского технического вмешательства. Поэтому, если бы (до открытия в Африке) зондаж, проведенный земным космическим аппаратом, обнаружил, допустим, на Марсе сосредоточенную в одном месте и постоянно поддерживающую реакцию атомного распада, ученые посчитали бы это весомым доводом в пользу